

ЭСТОНСКО-РУССКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ КУРЬЕЗ:
ПОВЕСТЬ Г. ЛЕБЕРЕХТА
«СВЕТ В КООРДИ» (1948–1949)*

РЕЙН ВЕЙДЕМАНН

Усиление воздействия русской словесной культуры на эстонскую литературу можно наблюдать с конца XIX века. Одним из факторов этого процесса была начавшаяся в середине 1870-х гг., то усиливавшаяся, то затихавшая, вплоть до 1918 г., политика «русификации» прибалтийских губерний. Это понятие, характеризующее как имперский национальный дискурс, так и комплекс политических мер, связанный с начавшейся уже во время Ливонской войны систематической колонизацией балтийско-финских племен, живших на Северо-западе России [Lotman, P.: 11], оказалось на практике амбивалентным.

Двойственность понятия «русификация» объяснима внутренней логикой русского национального дискурса, в частности, противостоянием славянофилов и западников. М. Ю. Лотман указывал на связь славянофильских идей с немецкими философскими теориями (Шеллинга, Гегеля, и в известной степени Гердера) [Lotman, M.: 2]. Гердера и особенно одного из его учеников и друзей — Гарлиба Меркеля — есть основание считать также и «крестными отцами» эстонской национальной идеологии [Undusk 1995, 1997]. Общий источник, однако, привел к различным идеологическим концепциям. В рамках насильственной политики русификации, начатой Александром III с целью ограничения региональной и сословной культурной гегемонии остзейских немцев [Lukas: 39–55] (приведшей к упразднению в 1892 г. немецкоязычного образования),

* Пер. с эст. Д. Иванова. Статья написана в рамках темы целевого финансирования TFLGR 0469.

эстонский национализм принял формы национализма культурного. Якоб Хурт — один из создателей эстонской национальной идеологии, был убежден, что национальную и западную идентичность эстонцев можно сочетать с восточной российской государственностью. Национальность Хурт считал такой формой культуры, которую не может особенно изменить принадлежность нации к государству [Karjahärm, Sirk: 275]. Напротив, русский национализм, лелеявший романтическую веру в свою самобытность и грядущую миссию, несмотря на постоянные попытки «дистанцироваться от практики государственных злодеяний» [Lotman, M.: 4–5], прибегал все-таки к атрибутам государственной экспансионистской и империалистической политики («цивилизаторская миссия» России, Третий Рим и проч.) [Longworth: 258–264]¹.

Русификация в XIX в. имела два аспекта. Под ширмой административной русификации, т.н. политики унификации, скрывались амбиции вернуть авторитет во внешней политике, утраченный Российской империей после Крымской войны [Zetterberg: 342]. Затронувшая особый остзейский порядок государственная русификация «разрушила средневековое феодально-помещичье устройство, однако при этом права коренного населения существенно не расширились» — пишет один из наиболее основательных эстонских исследователей русификации Тоомас Карьяхярм [Karjahärm: 16]. Культурная русификация (подчинение русской системе образования новых школ, где с 1887 г. обязательным языком обучения стал русский; в 1890 г. происходит переход на русский язык обучения в Тартуском университете; в 1893 г. Дерпт был переименован в Юрьев, а Дерптский университет — в Юрьевский), которую дополнила попытка русификации местного населения через

¹ Впрочем, еще в конце XX века в академических трудах по истории России необходимость русификации объяснялась требованиями модернизации страны. Унификация не интерпретировалась как навязанное превосходство русских, при том, что этот процесс проходил под знаком интеграции всех российских этносов в русский [Миронов].

православную церковь, привела в действительности к усилению и даже расширению национально-культурной активности эстонцев. Эстоноязычные газеты и самодеятельные национальные общества уравнивали господство русского языка в народной школе [Jansen: 290].

С другой стороны, к началу XX века созрело новое поколение эстонской культурной элиты, владевшее помимо родного языка еще немецким и русским. Многие эстонские писатели начинали свое творчество на немецком языке (в середине XIX века — Лидия Койдула, на рубеже XIX–XX вв. — Марие Ундер), но были и такие эстонские авторы начала XX в., которые пытались писать по-русски (напр., Оскар Лутс в 1916 г. написал одно из своих замечательных сочинений «Письма к Марии» главным образом на русском языке). Именно в 1920-е гг. в Эстонии складывается новая коммуникативная парадигма, включающая в себя три местных языка общения (эстонский, немецкий, русский). Сложившаяся ситуация оказала воздействие на переводческую культуру. С. Г. Исаков, изучавший роль русских в истории эстонской культуры, писал об одном из блестящих эстонских поэтов XX в., идеологе движения “Noor-Eesti” — Густаве Суйтсе. Обучавшийся в начальной школе и гимназии именно в период русификации, яростный ненавистник этой политики, Суйтс, тем не менее, признавал, что единственным положительным результатом русификации стало для него широкое знакомство с русской литературой [Исаков: 165]. Здесь следует подчеркнуть, что на эстонский язык переводились в основном классические произведения (напр., сочинения Карамзина, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого), в то время как из немецкой литературы переводились сочинения второразрядных литераторов, большей частью сентименталистского направления.

Особую главу в эстонско-русском литературном диалоге представляет «Правда и справедливость» А. Х. Таммсааре. Одновременно с созданием своего романа Таммсааре перевел «Преступление и наказание» Достоевского (изд. 1929 г.). Глубокий и сочувственный интерес к русскому гению автор выражал в оставшемся в рукописи и напечатанном только

в 1969 году «Введении», очевидно задуманном в качестве предисловия к романам Достоевского [Таммсааре: 1221–1237]. В. Мацура — переводчик Таммсааре на чешский язык и исследователь его творчества — пишет, что все, сказанное писателем об изображении героев, мире идей и творческом методе Достоевского, характерно и для самого Таммсааре [Масуга: 215]. Творческое воздействие на автора «Правды и справедливости» русского классика — опиравшегося в своих произведениях на антиномии И. Канта — отмечал и Э. Трейер [Treier: 147]. Возможно, что метафизическое заглавие романа Таммсааре было подсказано названием «Преступление и наказание»: в русском языке «правда» означает как истину, так и правоту, правота же в свою очередь не равна справедливости, что в значительной степени связано с трансцендентностью Канта.

Драматический поворот в эстонско-русском культурном диалоге произошел после оккупации Эстонской республики Советским Союзом 17 июня 1940 г., последовавшего затем государственного переворота 21 июня 1940 г. и присоединения Эстонии к Советскому Союзу 6 августа того же года.

Для эстонской культуры это событие обозначило фундаментальный слом в развитии. Под лозунгом «интернационализма» началось уничтожение эстонской литературы предшествующего периода. В промежутке между 1 сентября 1940 и 31 января 1941 г. в Тарту было уничтожено 40 тысяч томов книг, в 1945 г. — 21 тысяча томов. Большая часть изданной в 1918–1940 гг. литературы была заперта в спецхране [Lõhmus: 12–22]. Это касалось в особенности творчества массово эмигрировавших в 1944 г. на Запад эстонских писателей и публицистов. Для выходявших в свет периодики и книг была учреждена многократная (предварительная, последующая, партийная и издательская) цензура [Veidemann: 13–26]. Все это дает основание считать произошедшее в эстонской культуре в период сталинизма (1940–1953) культурным геноцидом [Kajjahärm, Luts]. Разумеется, тоталитарный режим и диктуемая им литературная политика не оставляли возможностей для межкультурного диалога, хотя «многонациональная советская

культура» была наиболее широко используемой риторической фигурой этой идеологии. Начиная с середины 1950-х гг. и до распада СССР как государства в конце 1991 г., о контактах различных народов в области литературы, музыки, искусства и театра можно говорить только в рамках официальной «советской культуры». Однако если оценивать произошедшее с точки зрения культуры XXI века, то одним из парадоксальных результатов государственного финансирования литературной деятельности в 1950–1990 гг. является то, что ни ранее, ни позднее эстонская литература не переводилась столь часто на один из великих мировых языков (русский).

Мы охарактеризовали историко-культурный контекст, во многом обусловивший специфику восприятия повести Ганса Леберехта (1910–1960) «Свет в Коорди» (1948) в советской Эстонии.

Леберехт родился 1 декабря 1910 г. в Петербурге, куда в 1906 г. в поисках работы переехал вместе с семьей его отец. В то время по количеству эстонского населения (18 тыс.) Петербург был вторым городом после Таллинна. Формировавшаяся в 1860-е гг. эстонская диаспора в Петербурге достигла своего количественного пика к 1917 г., когда в столице проживало около 60 тыс. эстонцев [Pullat: 311]. Но каждое лето маленький Ганс проводил в Ярвамаа в селе Коорди у своей бабушки Кати. Бабушкин талант рассказчицы и идиллическое сельское окружение пробудили в молодом Леберехте тягу к письму. В 1928 г. он окончил среднюю школу, после чего работал сварщиком на заводе «Электросила». В 1935–1937 гг. Леберехт учился в Вечернем рабочем литературном институте (с 1936 г. — Литературный институт им. Горького), но был оттуда исключен после ареста отца. В начале войны Леберехт был мобилизован в Красную армию и вместе с Эстонским стрелковым корпусом прошел от Великих Лук до Курляндии. После войны он стал журналистом. В газете «Советская Эстония» Леберехт проработал специальным корреспондентом до 1951 года, когда стал, наконец, профессиональным писателем.

Свою писательскую карьеру Леберехт начал в 1930-е гг. в заводской газете. После этого его очерки печатались в журнале «Резец». Он принимал участие и в работе литературного кружка. В 1934 г. его писательский дар был замечен властями. Леберехта пригласили в качестве делегата на Первый съезд советских писателей. В 1936 г. он напечатал повесть о тяжелой жизни маляра Барабанова «Вечный колер» (красный — как и следовало ожидать!), удостоившуюся второй премии на всесоюзном конкурсе рассказов. Стиль Леберехта можно охарактеризовать как суховатый, несколько схематичный. Характеры его персонажей в большинстве своем одноплановы, что было типично для всей русской советской очерковой прозы 1930–40 гг.

В 1948 г. в эстонских деревнях началась принудительная коллективизация, а затем — массовая высылка населения 27–28 марта 1949 г. (первая депортация произошла 14 июня 1941 г. — в одночасье из Эстонии в Сибирь было выслано более 40 тысяч человек, среди которых находились малолетние дети и старики, большая часть из них погибла). Леберехт написал большую повесть (условно этот текст можно считать даже романом) «Свет в Коорди». Сочинение опубликовали в журнале «Звезда». В том же году он представил рукопись повести — разумеется, по-русски, на языке, который был для Леберехта языком литературы, хотя он свободно говорил и по-эстонски — на конкурс романов, организованный издательством «Pükirjandus ja Kunst». Жюри, возглавляемое Паулем Вийдингом — поэтом, ставшим известным в 1930-е гг. и активно включившимся в советскую литературную жизнь, — отвергло сочинение Леберехта, посчитав его слабым с художественной точки зрения.

Весной 1949 г., когда тогдашний глава ЭКП(б) Николай Каротамм поехал докладывать Сталину об успешных шагах по коллективизации Эстонии, Сталин его спросил, читал ли тот повесть Леберехта «Свет в Коорди». Каротамм был вынужден признать, что еще нет, на что Сталин укоризненно заметил: «Хорошая книга. Надо прочитать» [Palli, Lepassalu]. По возвращении из Москвы Каротамм приказал распустить жюри

конкурса романов и сформировать новое, которое можно было бы склонить к «справедливому решению»: объявить победителем конкурса Леберехта. После этого, согласно полученной из Москвы инструкции, творение Леберехта было за неделю переведено на эстонский язык Лембитом Реммельгасом — литературным критиком, известным в истории эстонской словесности как переводчик «Бравого солдата Швейка» Я. Гашека. Книга «Свет в Коорди» вышла весной 1949 г. и получила той же осенью Сталинскую премию как «выдающийся образец синтеза советской идеологии и социалистического реализма», что можно расценивать как плевок в лицо тысячам депортированных из Эстонии.

Ирония заключалась еще и в том, что написанная на русском языке и переведенная на эстонский повесть «Свет в Коорди», благодаря переводам на 23 языка, стала визитной карточкой эстонской литературы в глазах иноязычного читателя. И это продолжалось до середины 1960-х, когда «Ледовая книга» Юхана Смуула (1958, книжное изд. 1959) превзошла по количеству переводов сочинение Леберехта. Начиная со второй половины 1970-х, когда роман «Императорский безумец» (1975) Яана Кросса начали переводить уже с подлинника, можно говорить о появлении настоящей эстонской литературы в ряду мировых литератур. Однако, например, для такой экзотической культуры, как культура Вьетнама, перевод «Света в Коорди» Леберехта и до сегодняшнего дня представляет эстонскую прозу.

Отметим одно важное для эстонско-русских культурных отношений обстоятельство. Практически до 1990-х гг. русский язык был первым языком, на который массово переводилась эстонская литература. Русский язык являлся мостом к иноязычным литературам, своего рода *lingua franca*, потому что заинтересованные переводчики и издательства впервые знакомились с эстонской литературой при посредстве русского языка, и только после этого начинали обращаться уже непосредственно к появившимся на эстонском языке (в оригинале) сочинениям. Эстонская литература должна быть благодарна и самой русской культуре за ее широкую репрезентацию в ино-

язычных переводах. Например, упомянутая выше «Ледовая книга» Смуула была напечатана по-русски миллионным тиражом. Таким образом эстонская литература оказалась представлена даже в самых небольших библиотеках России.

Несмотря на отсутствие в повести «Свет в Коорди» идеологических связей с реальной действительностью, она все-таки имела известный успех в среде читателей. Одна из причин успеха — это, несомненно, недостаточное количество эстоноязычной литературы для чтения. Эстонскому читателю не было известно, что сочинение Леберехта в действительности относилось к переводной литературе. Второй причиной было то, что в 1951 г. на основе повести был снят одноименный кинофильм, воспроизводивший архетипические образцы американского кино: герои строят жизнь посреди болот, как ковбои в прериях, и добро побеждает зло. Главного героя в этом фильме сыграл известный в то время в ЭССР и во всем Союзе певец Георг Отс. Популярность киноленты возросла и благодаря написанным для нее музыке и песням. В 1955 г. на основе «Света в Коорди» была даже поставлена опера.

В истории эстонской литературы повесть Леберехта рассматривается как «сталинский неомиф» [Eesti kirjanduslugu: 384]. Однако основы его структуры заметно глубже, чем это предполагалось соцреалистической доктриной того времени. Они, возможно, отсылают к манихейству — вере в вечную борьбу света и тьмы (это явствует уже из заглавия «Свет в Коорди» и из финальной сцены). Речь идет о магическом дискурсе, который характерен для тоталитарных идеологий до сегодняшнего дня и встречается также в советской литературной практике 1940–1950 гг. (см. также: [Undusk 1998]).

В этой связи хотелось бы подчеркнуть внутреннюю парадоксальность повести «Свет в Коорди». Прежде всего, несмотря на сталинистскую идеологию, которую это сочинение должно было отражать, перевод Реммельгаса улучшает оригинал. Леберехт испытывал благодарность за детство, проведенное в эстонской деревне, и описывал деревенский быт с убедительной точностью. Семиотический анализ текста помогает обнаружить в повести следы различных эстетических систем.

Здесь можно найти элементы, относящиеся к классицизму (впрочем, родство соцреализма с классицизмом заметно во всей литературе соцреалистического канона — см. [Гюнтер: 11–12]), к просвещению, романтизму.

Любопытно проследить противостояние двух главных персонажей: положительного героя Пауля Рунге и негативного — представителя кулаков — Марта Курвести. В действительности оба они представляют архетип эстонского крестьянина. Они приземистые, мощного телосложения, с острым умом — монументальные герои, аналогичные тем, которых эстонский читатель раньше встречал, читая «Войну в Махтра» Эдуарда Вильде или «Правду и справедливость» Таммсааре. Третью рассказа посвящена описаниям стремлений Пауля Рунге стать хозяином хутора — что было главной чертой эстонской крестьянской эпике с конца XIX века.

Итак, хотя «Свет в Коорди» представляет собой с одной стороны образец пропагандистского сочинения, с другой стороны в нем прослеживаются различные дискурсы (русской и эстонской культуры, творческого окружения писателя, времени появления текста и условий его рецепции). Хотя речь идет об историко-литературном курьезе, тем не менее, «Свет в Коорди» следует рассматривать как наглядный материал — модель для изучения границ художественной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

- Гюнтер: *Гюнтер Х.* Тоталитарное государство как синтез искусств // Соцреалистический канон. СПб., 2000.
- Исаков: *Исаков С. Г.* Путь длиной в тысячу лет: Русские в Эстонии. История культуры. Таллинн, 2008. Ч. 1.
- Миронов: *Миронов Б.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1. С. 40–44.
- Eesti kirjanduslugu: *Annus, E., Epner, L., Järv, A., Olesk, S., Süvalep, E., Velsker, M.* Eesti kirjanduslugu. Tallinn, 2000.
- Jansen: *Jansen, E.* Vaateid eesti rahvusluse sünniaegadesse. Tartu, 2004.

- Karjahärm: *Karjahärm, T.* Venestamine Eestis 1880–1917. Dokumente ja materjale. Tallinn, 1997.
- Karjahärm, Luts: *Karjahärm, T., Luts, H.-M.* Kultuurigenotsiid Eestis. Kunstnikud ja muusikud 1940–1953. Tallinn, 2005.
- Karjahärm, Sirk: *Karjahärm, T., Sirk, V.* Eesti haritlaskonna kujunemine ja ideed 1850–1917. Tallinn, 1997.
- Longworth: *Longworth, P.* Vene impeeriumid. Nende tõus ja langus eelajaloost Putinini / Tõlk. M. Laane. Tallinn, 2007.
- Lotman, M.: *Lotman, M.* Võõrvõim: märkusi vene rahvusliku diskursuse kohta // *Tuna*. 2010. Nr 3.
- Lotman, P.: *Lotman, P.* Ingerimaa vene õigeusklike identiteet 17. sajandi esimesel poolel luterlikust vaatepunktist // *Tuna*. 2010. Nr 3. Lk 9–19.
- Lukas: *Lukas, L.* Baltisaksa kirjandusväli 1890–1918. Collegium litterarum 20. Tartu; Tallinn, 2006.
- Lõhmus: *Lõhmus, A.* Võim ja vari. Tartu, 2002.
- Macura: *Macura, V.* Anton Hansen Tammsaare ehk Teekond epopöa juurde // Tammsaare maailmakirjanikuna. Kolm välismaa Tammsaareuurijat / Koost. E. Treier. Tallinn, 2001.
- Palli, Lepassalu: *Palli, I., Lepassalu, V.* Koordi viiskümmend valgusaastat // *Luup*. 1998. Nr 13 (70), 29. juuni.
- Pullat: *Pullat, R.* Lootuste linn Peterburi ja eesti haritlaskonna kujunemine kuni 1917. Tallinn, 2004.
- Tammsaare: *Tammsaare, A. H.* Sissejuhatuseks // *Looming*. 1969. Nr 8. Lk 1221–1237.
- Treier: *Treier, E.* Tammsaare ja tema “Tõde ja õigus”. Tallinn, 2000.
- Undusk 1995: *Undusk, J.* Hamanni ja Herderi vaim eesti kirjanduse edendajana: Sünekdoohi printsiip // *Keel ja Kirjandus*. 1995. Nr 9–11. Lk 577–587, 669–679, 746–756.
- Undusk 1997: *Undusk, J.* Kolm võimalust kirjutada eestlaste ajalugu: Merkel – Jakobson – Hurt // *Keel ja Kirjandus*. 1997. Nr 11, 12. Lk 721–734, 797–811.
- Undusk 1998: *Undusk, J.* Maagiline müstiline keel. Tallinn, 1998.
- Veidemann: *Veidemann, R.* Tsensuur kui kontekst // Muutuste mehhanismid eesti kirjanduses ja kirjandusteaduses. Ettekandeid ja artikleid 1999. Tartu, 2000.
- Zetterberg: *Zetterberg, S.* Eesti ajalugu // Tõlk. H. Laanpere jt. Tallinn, 2009.